
ИСТОКИ И СМЫСЛ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА

КУТЫРЕВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В старые добрые (?) времена «холодной войны», до появления «международного терроризма», когда хотя бы говорили и кое-что делали для разоружения, между западным и советским блоками велась непрерывная идейная полемика. Стороны обстреливали друг друга аргументами, пропагандистскими лозунгами, теоретическими исследованиями. Ничего похожего нет сейчас на фронтах антитеррористической борьбы. Цивилизации противостоят «бандиты». Это в самом деле бандиты, без кавычек, безжалостно приносящие в жертву невинных людей. Однако не ради ограбления и собственного обогащения. Их бандитизм не экономический, а политический (в случае сепаратизма) или — шире — идеологический, культурно-мировоззренческий. По крайней мере, в своих корнях, по почве, которая его питает, возвращая тысячи, миллионы молодых носителей отвращения и ненависти к «западной цивилизации». Именно здесь причина международного терроризма или, как иногда говорят, четвертой мировой войны. Если с ним бороться, выступая «за мир», то надо попробовать понять противника, вступив с ним для начала в теоретическое соприкосновение.

Что сейчас в арсенале борьбы с терроризмом?

Голая технология, вещная и социальная. Еще бюрократия, «учет и контроль». Эти меры поражают своей неадекватностью сложности и глубине проблемы. Ну будут всех сканировать и догола раздевать в аэропортах. А на железнодорожных вокзалах? У входа в метро и в автобусы? Охранник с пистолетом в школе или других учреждениях: что он сделает с группой из 20—30 человек с автоматами и гранатометами? Такие меры принимают взрослые государственные мужи. И ничего больше. Такая наивность. (Воздержимся от употребления более точного слова.) Щит и меч, броня и снаряд совершенствуются взаимно и ничего кроме «нового прекрасного мира» на пути тотального технического контроля и доносительства не просматривается. Эти меры скорее психотерапевтические, для основной массы населения что-то дающие, успокаивающие: до очередного теракта в новом месте новыми способами. Скорее всего, с использованием средств массового поражения.

Думающие люди, стоящие у власти политики такими перспективами удовлетворяться не должны. Однако антитеррористические решения тоже вырабатываются в определенной атмосфере. Их поверхностность и технбюрократическая ограниченность не случайны. Чтобы принять брошенный вызов, важно понимать его смысл и причины. Для этого надо опираться на соответствующий мировоззренческий, культурно-идеологический фундамент, которого нет, и созданию которого не придается значения.

Сказать, что о нем совсем не думают и «не ищут» — нельзя. Прежде всего указывают на социально-экономические обстоятельства: бедный Юг/Восток против богатого Севера/Запада; надо преодолевать разрыв между слаборазвитыми и передовыми странами; когда все будут сытыми, все успокоится. Но, по крайней мере, на данном этапе эмпирические факты, мотивация, состав участников и вождей радикального движения не позволяют признать экономическое объяснение убедительным. Ближе к реальности те, кто обращаются к сфере духа, к ценностно-культурным аспектам жизни. «Что же толкает

саудовцев и выходцев из других не бедных исламских стран к экстремизму и терроризму?» — ставит вопрос один из постоянных авторов газеты «Завтра». И утверждает, что «очевидно ответ следует искать во вполне определенной интерпретации ислама, навязываемой горсткой фанатиков, обладающих огромными финансовыми средствами и умело использующих наивное мышление некоторых молодых людей. Именно в искаженном, однобоком восприятии ислама, как представляется, и заключается главная причина того явления, которое называют сегодня «исламским терроризмом» [1].

Можно согласиться, что проблема в «интерпретации ислама», но почему возобладала такая интерпретация и почему множество верующих принимают ее? К тому же экстремистские, фундаменталистские течения, хотя не доходящие до террора, есть почти во всех религиозных конфессиях. По содержанию они все в основном «антизападные». Резко критическое отношение к американским ценностям не чуждо и агностикам, атеистам, о чем свидетельствуют миллионные антиглобалистские манифестации. Ссылка на его «навязывание фанатиками» — образец мышления не менее наивного, чем у «наивных молодых людей».

Наукосообразное, наиболее основательное и прогнозирующее исследование культурно-цивилизационных причин радикализации антизападных настроений проведено С. Хантингтоном [2]. В нем показано, что после окончания «холодной войны» и распада социализма глобальная политика все больше выстраивается вдоль культурных линий. Модели сплоченности и взаимопомощи или дезинтеграции и конфликта определяются ценностной идентичностью сообществ, т. е. религиозными, моральными традициями, исторически сложившимся образом жизни и самосознанием народов. Это то, «что остается» для самоотождествления в условиях глобальной экономики и технологии. Отсюда возникает новый мировой порядок — полицивилизационные отношения. Насчитывая восемь ведущих цивилизаций (западная, африканская, синская, индусская, исламская, японская, латиноамериканская, православная) и, предвещая усиление борьбы между ними, он, будучи представителем Запада, дает рекомендации по его выживанию. Книга — много разъясняющая в современной ситуации, хотя написана «до 11 сентября», и есть некая загадка, что в дискуссиях по проблемам международного терроризма, формально упоминая, на самом деле на нее не опираются. Не просто игнорируют, а считают хорошим тоном откеститься от взгляда, что терроризм есть следствие «столкновения цивилизаций», в частности и прежде всего западной с мусульманской. На разгадке такого отношения к книге мы остановимся позднее.

Не то, чтобы слабостью, а, пожалуй, упрощением задачи можно признать, что С. Хантингтон отвлекается от противоречия, в большей или меньшей мере пронизывающего все цивилизации. От того, что их состояние зависит от соотношения его сторон в каждой из них, и того, на какой стадии, как оно разрешается. Это противоречие между культурой и технологией, сторонниками сохранения духовности, т. е. решения проблем путем апелляции к сфере ценностей — греху, воздаянию, добру, злу, чести, совести, справедливости, заботе и т. д. — и целерациональными, инструментальными социотехноэкономическими способами: не обращаясь к чувствам, душе и духу человека, заменяя их знанием и информацией, рассматривая его как свободного от переживаний, полностью рационального «актора», отбрасывая традиции и духовные авторитеты как препятствия для успешного функционирования. С превращением техники из средства деятельности в нечто само-развивающееся и самоценное, создается особый, идущий на смену обществу мир — технос. Технос не просто сфера, наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от совокупления шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах при создании семьи снимается. Если служба в армии — профессия, то проблема патриотизма и священного долга перед Родиной не

актуальна. Когда-то офицера сажали под домашний арест под честное слово. Теперь под «электронный браслет». Человеческое общение вытесняется юридическими отношениями — «гуманитарной техникой». Все решается «извне», в том числе в сфере идеального. Вместо воспитания личности к ней начинают применять психопрограммирование вплоть до деконструкции и перекодирования. Таким образом, по мере роста возможностей технологического манипулирования людьми, духовность как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, даже «актор», на смену которой идет то, что от нее остается: «человеческий фактор».

Если процесс исторического развития этого противоречия расположить по оси цивилизаций, то его первая сторона — культурное регулирование — будет превалировать в демографически бурно развивающихся, но технически отсталых регионах — в Африке, где целерациональные, инструментальные отношения между людьми только формируются, а вторая — социотехническое регулирование, даже личных, интимных форм жизни, — на Западе, в так называемых открытых обществах. Оно пронизывает все цивилизации. Свои патриоты и космополиты есть в Китае, интегралы и эгоцентристы в России, славянофилы и западники в Америке, тоталитаристы и либералы в Японии. Вопрос в их влиянии и влиянии той или иной цивилизации на остальные, во взаимодействии между ними, мирном или агрессивном, экспансионистском.

Особенность нынешней ситуации в противостоянии в той или иной степени «семи цивилизаций» (лучше бы их продолжать называть культурами) — западной (цивилизации в точном смысле слова; не случайно Запад перестал позиционировать себя как культура даже терминологически). И не по линии взаимной борьбы культурных традиций и их ядра, религий, например, католического христианства и ислама, конфуцианства и православия, а противостояния всех культур господству социотехноэкономизма, фактически выхолащивающего любую веру в любого бога. Главные ценности открытого общества — эгоцентризм, самореализация, утилитаризм, функциональность — в сущности отказ от ценностного отношения к миру. Культура — мораль, религия обязательно предполагают «служение», «долженствование», подчинение части целому, индивидуального человека родовому и — выше — родового человека некоему Абсолюту, т. е. иерархию, без которой ценности не имеют смысла. Члены открытого социотехноэкономического общества — техноса — ориентированы горизонтально, на самих себя. Ничем «высшим» они не ограничены и к нему не стремятся. Общее благо, а фактически просто богатство, образуется за их спиной. Стремительно прогрессирует, совершенствуясь, только технология. Отсюда «конец истории». Это конец *культурной* истории человечества, его духовно-личностного образа жизни и начало постчеловеческого функционирования «человеческого фактора». Превращение субъекта в объект.

Так что «столкновение цивилизаций», если его конкретизировать, происходит в виде столкновения культурного и технологического миров как внутри, так и между цивилизациями. Хотя с разной силой. Наиболее ожесточенное сопротивление своему уничтожению в настоящее время оказывает исламская культура. В ее ядре — довольно молодая, еще пассионарная религия, ее общества обладают относительно средним уровнем материального достатка и высоким демографическим динамизмом. Она открыто приняла вызов техноса, хотя тайно, обычно в русле антиамериканизма, ей сочувствуют все другие субъекты культуры, в том числе сохранившиеся в западной цивилизации.

Чего, собственно говоря, добиваются эти фундаменталисты, консерваторы, традиционалисты, интегралы и прочие «варвары» и «экстремисты», как обычно их квалифицируют идеологи глобального либерально-технократического общества?

Прежде всего, они настаивают на праве верить в Бога. Не просто говорить, рассуждать о нем или один-два раза в год посещать церковь, а жить, будто Он существует на самом деле. Это значит: соблюдать заповеди, исполнять обряды, носить соответствующую одежду, молиться. Вместо того, чтобы 1,5 — 2 часа в день смотреть телевизор, узнавая разные новости: где, когда и сколько убили, что продают, какие прокладки и зубные пасты

эффективнее, они тратят это драгоценное время на исповедь и сокрушение духа, обещания Богу стать лучше, любить ближнего и т. п. Вместо того, чтобы развлекаться, они, видите ли, «совершенствуются», абсолютно не считаясь, что эксплуатация пороков и страстей человека является важнейшей статьёй получения прибыли, а значит, накопления общественного богатства. Они против уничтожения зачатых младенцев, в то время как западная цивилизация считает неотъемлемым правом родителей самим решать вопросы жизни или смерти своего потомства. Осуждаются, словно мы христиане времен десяти заповедей, прелюбодеяния и «легкомысленные разводы», чем в открытом обществе почти гордятся (эстрадный кумир свое интервью подписывает: «разведен после третьего брака»). К другим «ужасам культуры» относится нетерпимое отношение к перверсивным формам сексуального поведения, гомосексуализму и трансвестизму как к тому, что ведет человеческий род к гибели, фундаменталисты, конечно же, против клонирования, эвтаназии, замораживания трупов и многих других достижений современной науки, считая их опасными, даже дьявольскими. Они вообще за сохранение семьи (вместо сожительства), пола (вместо гендера), почтительное отношение младших к старшим (вместо того, чтобы ребенок, наняв адвоката, мог подать в суд на родителей за невыполнение обещания купить игрушку). Между тем, в западной цивилизации настаивание на подобной библейской архаике расценивается как подавление свободы и нарушение прав человека. Индивид сам может распоряжаться своим телом и, если хочет им торговать, то главное условие — делать это в рамках закона, соблюдая медицинскую безопасность. Основное предназначение женщины — выполнять в обществе ана/тавто/логичные функции, как и мужчина. Говорить о приоритете материнства — значит ее унижать. Неискупимой виной большинства традиционных культур является ограничительное, невесторженное отношение к накоплению богатств. Некоторые исламские сообщества, «уммы» доходят до осуждения «ссудного капитала», ростовщичества и пытаются открывать банки с минимальным процентом по кредитам, необходимым лишь для содержания персонала. Это похоже на «трудовые сберегательные кассы» при социализме. Здесь кончается терпение у самых терпимых и открытых западных демократий.

С философско-исторической точки зрения различие между закрытыми (культурой) и открытыми (посткультурными) цивилизациями состоит в том, что первые следуют категорическому императиву И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства», а вторые — индивидуалистическому утилитаризму И. Бентама с его лозунгом: «Наибольшее количество счастья для наибольшего числа людей». Первые действительно фундаменталисты, «принципиалисты», потому что оценивают поступки с точки зрения интересов человеческого рода, когда каждый индивид отвечает за свою судьбу, вторые — либертариисты, эмпирики, понимая, что «если все так будут поступать, человечество прекратится», они делают для себя исключение, полагая, что все так не поступят. Останутся люди, которые будут заключать браки, сохранять семьи, рожать детей, защищать Родину, помогать ближнему и т. п.

Фундаменталистская линия направлена на сохранение, «экономии» источников жизни и поддержание идентичности человека, либералистская — на их трату в духе «после нас хоть потоп» или ведущая к превращению человека в нечто иное. Объявивший «конец истории» Ф. Фукуяма совершенно логично доводит его до провозглашения «конца человека». «Биотехнология предоставит нам средства, позволяющие завершить то, чего не удалось специалистам по социальной инженерии. *И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим «человеческие существа» как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого»* (цит. по: [1, 173]). Это людоедское теоретизирование, которому фашистские идеи XX в. годятся только в подметки, базируется на вполне реальных фактах и тенденциях развития западной цивилизации. Как с гордостью за успехи человеческого (?) прогресса сообщают газеты, Билл Гейтс, под лозунгом осуществления «капитализма без помех», недавно запатентовал «исключительные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6 754 472). В заявлении компании «Майкрософт» говорится, что челове-

ское тело — всего лишь «объект интеллектуальной собственности, который подлежит лицензированию» и, следовательно, продаже. Да мало ли чего следует — после человека.

Впечатлительными людьми и теми, чье сознание не похищено «миром иного», подобные действия тоже воспринимаются как терроризм, хотя растянутый во времени, зато направленный не против отдельных индивидов или групп, этносов, а против всего человечества. Как объявленная война, они воспринимаются не только религиозными фундаменталистами и старомодными моралистами, но вполне современными интеллектуалами, которые сами день и ночь сидят за компьютерами, производя интеллектуальную собственность. Внезапно в них начинается бунтовать не до конца подавленная виртуализмом существования телесно-духовная природа, и они выходят на улицы городов с лозунгами борьбы против глобализма. Их кумирами становятся те, кто осмелится бросить вооруженный вызов посткультурной потребительско-технологической цивилизации и обличает ее как силу, враждебную людскому роду. «В 4 мировой войне... противником является человечество. 4 мировая война уничтожает человечество по мере того, как глобализация становится универсализацией рынка. Все человеческое, что возникает на пути рыночной логики, является враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден: индейцы, не индейцы, наблюдатели за сохранением прав человека, учителя, интеллектуалы, артисты. Любой, считающий себя свободным, но таковым уже не являющийся... Речь идет о сведении всех к одному знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и утверждения в мире одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика» [4, 146].

Возникновение современного международного терроризма — это реакция на становление нового глобального мирового порядка. Порядка, при котором одна цивилизация — западная, прежде всего Америка, претендует на распространение своего строя и образа жизни на всю планету. При этом, рассматривая его не конкретно-исторически, соотнося с эпохой, природной средой и характером общественного производства, а как абсолютный, единственно возможный и правильный. Плюрализм! Пропагандисты толерантности! Преследуют всех, где ее нет. Многие страны находятся в условиях, в которых Америка была лет 30—50—100 назад. И соответственно применяют те формы регулирования жизни, какие тогда применялись в ней самой. Далеко не толерантные или политкорректные. Но от них требуют жить по сегодняшним меркам и ценностям Запада, выравнивая историю «по календарю», насилуя и ломая внутреннее развитие, орудуя, как дубинкой, своей идеологией в собственных интересах. В этом суть глобализма, ставящего мир на грань войны.

В подтверждение данного, довольно очевидного положения, хотя из него не делается дальнейших столь же очевидных выводов, лучше сослаться не на революционеров и антиглобалистов, а на автора «с западной стороны», того же С. Хантингтона. Заодно будет понятно, почему его глубокая, построенная на обширном фактическом материале работа не пользуется спросом в идейной борьбе с терроризмом. «Запад с его давними миссионерскими традициями, и главным образом Америка, полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Меньшинства из других цивилизаций с радостью принимают и поддерживают эти ценности, но в не-западных культурах преобладает другое отношение к этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада — универсализм, для остальных — империализм» [2, 282]. Хантингтон прямо обвиняет западные правительства и международные транснациональные институты в том, что проводимый ими глобалистский курс ведет к войне. «Важно осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире» [2, 514]. И самая главная забота дальновидного автора, что в конце концов эту войну Запад проиграет. Ради выживания, надо

поддерживать уникальность собственной цивилизации и прекратить истощаться, контролируя чужие дела. При этом он недооценивает, что «проигрыш» скорее всего придет изнутри. Курс на деконструкцию ценностей родового человека с необходимостью ведет к падению его воспроизводства. Конец культурной истории цивилизации означает «в конце концов» конец демографический. Общества Запада твердо вступили на путь самоотрицания — *Mortido*. Уже сейчас их населяют миллионы носителей других культур, второе, третье поколение которых обретет повышенную национально-религиозную чувствительность и подавит ценности индивидуалистической демократии. (Спорт — наглядная модель ее ближайшего демографического будущего. Достаточно вспомнить состав футбольной команды Франции.) В дальнейшем, возможно, технический прогресс опять разложит ново-прибывшие культуры, но это будет происходить без «аборигенов». К концу XXI века от ядра белой цивилизации останется географическое название. Хотя до этого человечеству надо дожить.

Таким образом, если говорить о причинах современного напряжения в международных отношениях, грозящего перерасти в полномасштабную четвертую мировую войну, то инициатор в ней — западная цивилизация, ее прогрессивно-агрессивный экспансионизм. Международный терроризм — это безумный ответ на ее сумасшедшее поведение. Задача ответственных, еще находящихся в здравом уме и твердой памяти представителей каждой цивилизации в том, чтобы культивировать борьбу с экстремизмом в собственных рядах. С одной стороны, против попыток остановить культурные изменения, застыть в традиции, с другой — против ее полного технолиберального разложения и превращения человека в нечто постчеловеческое. Это есть задача — путь на «устойчивое развитие». О нем много говорят, но в основном превратно. Что, мол, надо развиваться как можно быстрее. На самом деле все наоборот. Это вопрос о его ограничении. Система должна развиваться таким темпом, чтобы сохранить свою идентичность, т. е. существование. Ради своего и общего выживания каждая цивилизация, регион, страна должны вести себя наиболее адекватным поддержанию собственной устойчивости образом. И только после этого надеяться на адекватность «другого».

Насколько адекватно ведет себя Россия в свете борьбы с терроризмом дома и в мире? Ее положение в некотором роде парадоксально и, кажется, что опровергает развиваемую нами культурологическую теорию столкновения еще культурных и уже технологических миров. Не будучи лидером западной цивилизации, претендуя на сохранение традиций православной культуры, она попала на острие международного терроризма. Объяснение чеченским сепаратизмом само нуждается в объяснении: почему возникает сепаратизм, желание отделиться и практиковать другой образ жизни? Хотя, конечно, он обусловлен давними историко-культурными противоречиями Чечни с Центральной Россией, его всплеск в 1990-е годы связан с протестом против захлестнувшей страну вакханалии безнравственности и социальной деградации, против торжества ценностей, глубоко чуждых коренному укладу чеченской жизни, мусульманских народов, особенно Кавказа вообще. Это противоречие усиливается, приобретает международную форму по мере того, как Россия пытается чуть ли не возглавить борьбу с международным терроризмом и играть роль одного из лидеров Нового мирового порядка, в то время как она его «слабое звено». Растеряв немалый нажитый Советским Союзом, несмотря на идейные расхождения, авторитет в мусульманском мире, да и у всех других культур, наши нынешние политики объективно «таскают каштаны из огня» для чуждых стране сил. В результате, если Америка выступает для радикальных мусульман Большим Шайтаном, то Россия берет на себя роль второго по значению упоминаемого в Коране дьявола — Иблиса. Но жертвой борьбы может стать первой. С Иблисом справиться легче.

Мало кто будет спорить, что питающая международный терроризм культурно-идеологическая энергия связана с экономическими и геополитическими интересами стран и цивилизаций. Через финансовые потоки, организационную помощь или попустительство она так или иначе направляется. Цели формулируют не те, кто их реализует, по крайней мере,

они вырабатываются совместно. Ежедневно, ежечасно подтверждающийся двойной стандарт поведения в отношении России действует, естественно, и тут. Пожалуй, в первую очередь. Подобно тому как перед Второй мировой войной западные державы упорно направляли гитлеровскую агрессию на Восток, так теперь они стремятся умиротворить международный терроризм, подставляя в перекрестье его прицела Россию. И за спиной борющихся противников пытаются реализовывать свои самые прозаические, вплоть до конкуренции за нефтяные месторождения, экономические и геополитические интересы.

Не видеть циничного расхождения между словами и делами лидеров «золотого миллиарда» может только слепо заинтересованный человек, т. е. тот, кто не хочет видеть. О двойном стандарте в оценке даже таких явлений, как акты террора, открыто был вынужден сказать президент В.В. Путин в критической для него ситуации после бесланской трагедии. В речи он его признал, но на реальную политику это, быть может, одно из самых серьезных и глубоких заявлений повлияло мало. Продолжаются провоцирующие радикалов назойливые призывы к «крестовому походу» против международного терроризма вместо того, чтобы, борясь с ним технически, искать идейно-политические формы его нейтрализации. Не только в плане пресечения финансовых потоков и т. п., а через укрепление экономических и духовных связей с исламским миром, сотрудничество с цивилизациями, где сохраняется культура.

Это, разумеется, надо делать прежде всего в своей стране. Надо остановить разложение культуры в обществе в целом, пресечь истерию наживы информационной буржуазии на чем угодно и любой ценой и восстанавливать, как ни странно теперь звучит, дружбу народов, пропагандировать ценность различий, неполноты любой формы мировоззрения, идеалы взаимодополнения и обогащения. Решительно подавляя любые политические сепаратистские тенденции, расширять национально-культурную автономию этносов. Опираясь на более «твердое ядро» религии и морали в исламе и ссылаясь на суровую необходимость считаться с ним, можно увереннее бороться за восстановление православных и коллективистских ценностей. Это хорошее объективное оправдание перед внутренним шайтаном технолиберального тоталитаризма, в лице духовно погибших, но влияющих на определение политики страны людей. Спасение там, где опасность, говорил И. Гельдерлин. Из угрозы глобального террора, задач борьбы с ним надо извлечь пользу для оздоровления общества. В административно-управленческом плане это частично делается. Но важно консервативное культурно-мировоззренческое продолжение. Тем более что Большой Шайтан «внутри себя» подобные меры предпринимает. *Чтобы нам не оказаться голыми среди волков.*

Литература.

1. Пруссаков В. Исламская мозаика // Завтра. 2004. 8—14 нояб.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М., 2003.
3. Вирилио П. Информационная бомба. - М., 2002.
4. Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. - М., 2002.

Поступила в редколлегию 5.03.2005 г.

© Кутырев В.А., 2005